

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК
№ 9^И ИЗДАНИЕ
РАБОЧЕГО КРАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
1924 г.

22571
1924

СОДЕРЖАНИЕ.

М. Шошин.—Фабрику пустили (отрывок из повести).

И. Майоров.—По рабочим жилищам.

Д. Семеновский.—Рабочий поселок,—поэма с иллюстрациями.

Старожил.—Как рабочие жили в шоколадных домиках.

Наши хозяйственные успехи.—Новая жел.-дор. линия.

Середа—Яковлевское—Плес, очерк инженера
Болдакова.

К. Кубов.—Рабочий праздник,—к пуску новых фабрик.

Типы рабочих домиков,—с иллюстрациями рисунками.

Художественные фотографии—виды вновь пускаемых фабрик.

91386

Вл.

Вл.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ КРАСНЫЙ ТКАЧ

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Иваново - Вознесенск,
Михайловская улица,
Телефон 2-14.

Прием по делам редакции
по понедельникам, средам
и пятницам от 12 до 3 ч.
дня.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

„КРАСНЫЙ ТКАЧ“ с газетой
„РАБОЧИЙ КРАЙ“ на
один месяц 1 р. 45 коп.
В отдельной продаже 30 коп.

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

1 страница . . . 15 черв.
1/2 страницы . . . 8 черв.
1/4 страницы . . . 5 черв.

ФАБРИКУ ПУСТИЛИ.

(Отрывок из повести „Из красных лет“).

Фабрика с поля—развернутый, огромный кумачевый плакат, с частыми белыми буквами-окнами, трубы острокопечные, далеко выдавшиеся дровки.

На плакате написано о жуткой железной тишине, о мертвящем ненужном сне. Окна смотрят скорбно на окружающий застой, переливаясь синевой.

На фабричном дворе тихо, пусто. Все заперто, запакковано. Гулко от малейшего шума. В пруду за фабрикой сочно квакают лягушки.

Все здоровые, молодые рабочие на фронтах, в производственных дружинах. Рабочие слободки обложились грядками и плетнями.

Ожесточенно, сердито разгуливался голод.

Отправлялись с котелками, тележками в далекие хлебные деревни. Уезжали в хлебное Поволжье с семьями и со скорбом.

Злились, ругали коммунистов, но только так—любя, по дружески. Вспоминали первых зачинщиков Озарова, Шумилова. Фабрикой управляли коммунисты, недавно вступившие в партию.

Шумилова давно уже не было. По выздоровлении работал в уезде, а теперь в губернии, в Ревтрибе.

Фабричную тишину разбудила прилетевшая маленькая бумажка из «блок-нота». Вверху напечатано черными буквами:

— Комиссар N—ской дивизии.

Размашисто химическим карандашом написано.

«Сообщаю вам, дорогие товарищи, что Степан Егорыч Перстнев зверски расстрелян белогвардейцами на станции Синельниково. Помогите его семье и почтите его память.

Лаврентий Озаров».

Сознательный пролетарий получил то, чего ожидал и на что шел с открытыми глазами.

* * *

Пассажирский поезд вяло подкатился к станции, задымил сырым дымом и запыхтел паровоз.

— Что, Максим, задохся, упахтался?

Три десятка грязных, разбитых, вонючих теплушек.

Закутанные в отрепья люди с мешками, котомками.

Рваные, в развалившихся лаптях и босые армейцы.

Вылезли, забегали, закричали.

Из кишачей массы выделилась в сторону черная фигура с корзиной, чемоданом...

— Дядя... гражданин, не довезете-ли до Кормилицынской фабрики?

— Нам в другую сторону, барынька.

Паровоз дернул—вагоны затрещали,—заскользил на месте и поплелся по черепашьему.

Армейцы на платформе не торопятся садиться, еще догонят, сядут,—закуривают и смеются:

— Таш-ши, Максим.

Перевязью непривычно плечо резало, как огнем жгло.

Шла Надежда Кормилицына сухой тропкой около канавы, а рядом параллельно Пеплово. Отливалась чешуя шоссе. Садилась на корзину отдыхать. Задумывалась.

На западе червонно заходила заря, блеклые летние сумерки окутывали тихие поля.

— Одинока, муж ушел к белогвардейцам давно еще. С ним не попала. В Москве жить нет возможности, не опустившись до последней степени—к тому же приближается зима.

И здесь живет одна мать. Как она живет? Здесь легче и спокойнее можно прожить.

Заволакивались грустью глаза, выразительное овальное лицо становилось суровым. Откидывала спадавшую прядь волос. Поднималась, силясь до красноты в лице, взваливала багаж на плечо и быстро шла, сутулясь от тяжести и колыхая широкими бедрами.

Заснувшая фабрика издалека глянула скорбно, печально синеватыми окнами. И в окнах отливала червонная заря кусками, как бы там изнутри махали красной тряпкой.

— Былая собственность отца. С ней связана роскошь, богатство, сладкая жизнь, а теперь?

Садилась опять отдыхать.

Скоро большевикам конец, потому что купцы к своим фабрикам с'езжают, чувт... Хотят опять приниматься за дело. Большевикам жизни еще неделя—не больше. Приехала дочь бывшего хозяина Надежда Герасимовна, скоро молодой хозяин приедет.

Пущенный слух пошнырял, погулял по селу малость, взволновал многих и пошел гулять по соседним застывшим фабрикам, по деревням, селам и ударился в глухое Заволжье, в должное место, куда сбывались все затасканные слухи на радость кулачьей и темноте.

Надежда пристроилась у бывшего бухгалтера. Приходили к ней жены служащих, снабжали вестями, слухами, охами, проклятиями по адресу коммунистов.

Скучала, гуляла по реке, читала романы.

— Только и отдохнешь, когда прочтешь про славное прошлое,—говаривала. Охорашивалась и мечтала о поклонниках, ухажерах. Ездил к матери за Волгу. Сердилась и жучила:

— Живет такой нехорошей жизнью. Ужас что такое! У нее был там ребенок.

Белогвардейщина разбита. Свободный вздох.

Через три года неожиданно явился Лаврентий Озаров.

Все узнали, что он назначен директором фабрики и что фабрика назначена к пуску. В конце зимы потянулись по укутанной ухабистой дороге обозы с дровами с Волги, с чугунок везли хлопок, нефть. Гудела морозная тихая окрестность от скрипа полозьев, извивались по ухабам обозы, как мохнатая веревка. Директор Озаров действовал ловко.

Весной на фабрике чистили котлы, дымоходы, чинили, красили. Крыша фабрики от новой окраски зазеленела, как осеннее озимое поле.

В начале осени рабочие рванулись на фабрику пострадавшие, изголодавшиеся по работе за три года.

Сколько у всех радости, трудового энтузиазма, силы. Праздник из праздников—торжественный митинг по случаю пуска фабрики.

На фабричном дворе шесть тысяч рабочих. Рабочий директор Лаврентий Озаров вышел на трибуну и безмолвно оглядывает рабочую мощь.

Все притихло, застыло. Радостная безмолвная минута. Слова крепкие, бетонные льют:

— Товарищи...

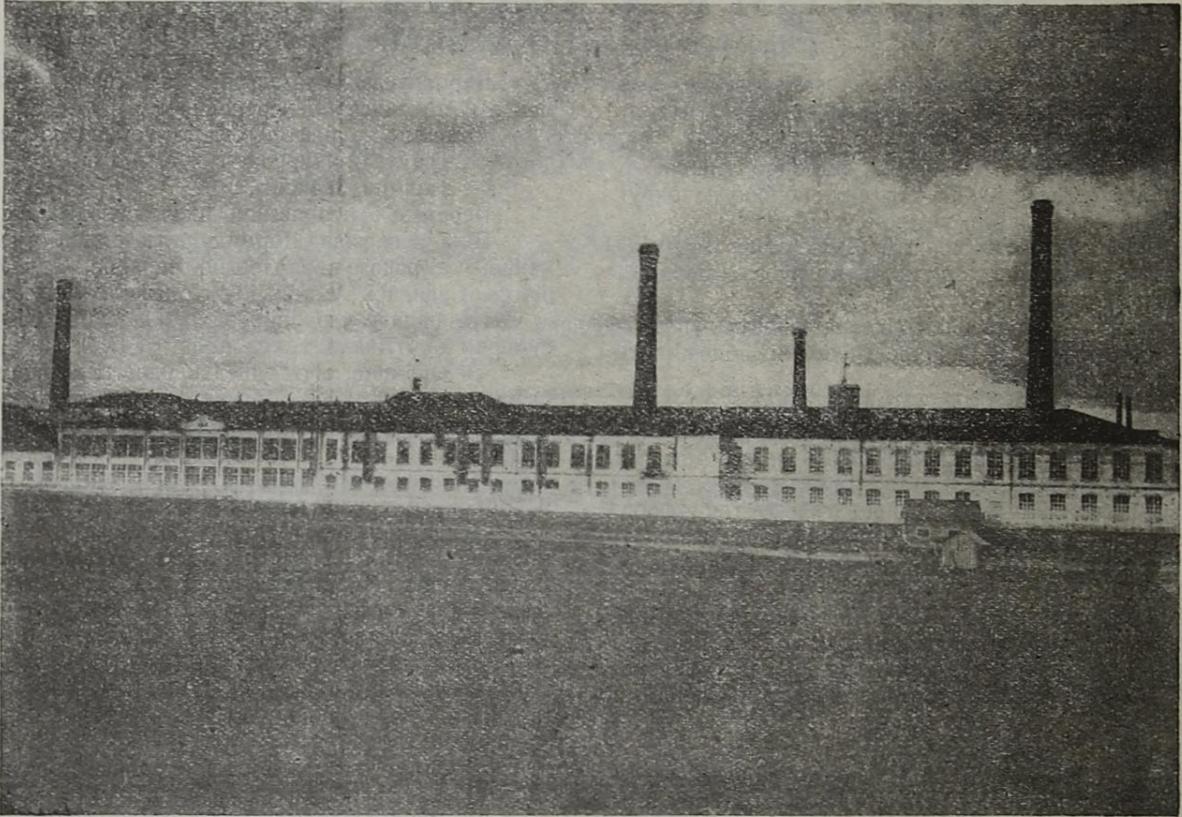
Прислушались—ни звука, ни шума.

— Разрешите поздравить вас с по-обедой...

Всколыхнулось, загремело. Ур-ра, ур-а-а, аа-аа-ааа.

Товарищи, мы добились того, чего хотели. Фабрики, земля в наших руках, полчища несметные белогвардейцев разбиты... Теперь надо поднимать разрушенное хозяйство, оживлять заснувшую промышленность. Работать, учиться...

К пуску Зарядье-Вознесенской Мануфактуры в Иваново-Вознесенске.

Общий вид фабрики с моста на реке Уводи.

В половине июня будет пущена. На фабрике 1727 станков и 16 печатных машин. Рабочих будет занято около 4500. Ожидаемая производительность: ткацкая до 17.000 пудов в месяц, ситцевая 6500 кусков.

Оглушительно - громко призывно - бодро, певуче-звонко рявкнул через три года безмолвия фабричный гудок и пустил в сухой осенний воздух облако белого пара.

Фабричные слободки и казармы оживились, зашевелились. Черный дым из высоких труб огромной черной дырявой тряпкой висел над фабрикой, а в ветряные дни плутал облаками по рабочему селу.

Фабрику пустили.

Оттерли ржавчину, напомнили станкам и машинам их обязанности, соединили проводами и работа закипела. С радостным безумием вертелись в прядильной цевки и шпули, в ткацкой ожесточенно хлопали станки и метался капризный челнок, в отделочной потянулись яркие ситца, сарпинки, чернота, отливающая блеском.

Учиться свободно, а работать можем без оскорблений и унижений...

Мы сильны, могутны и бесспорно выйдем победителями и на этих фронтах. Да здравствуют завоевания революции!

— Урра-урра аа-аа-ааа!

Окрестность загремела от криков и аплодисментов.

— Товарищи! Мы празднуем сегодня небывалый в истории день—пуск фабрики без хозяина фабриканта Кормилицына, а сами рабочие... Сами теперь хозяева.

У нас дело пойдет не хуже его.

От хлопков горели ладони, рты готовы были разорваться:

Кто-то крикнул: «да здравствует рабочий директор Лавруха Озаров!»

— Урра-ааа!

— Ка-ачать его!

— Таш-ши его, качать!

Через секунду Озаров взвизывался в высь и падал на десятки могучих рук.

— Выш-ше, чтоб сапогами до облаков доставал.

— Выш-ше, чтобы выше фабрики.

— Уу-уу. Ааа-аа. Ха-ха-ха-хо-хо-хо!

Смеялись, радовались.—«Почтим память Степана Егорыча Перстнева погибшего на фронте и всех наших погибших товарищей коммунистов и всех вообще павших за революцию».

Музыка грустно играет Похоронный марш.

Исчезли с голов фуражки, поникли головы...

«Любви беззаветной к народу.

Вы отдали все, что могли за него»...

Кончено. Озаров опять на трибуне:

«В день годовщины Октябрьской революции в рабочем клубе дан будет бесплатный митинг-концерт».

Рядом маленькое объявление о порядке празднования.

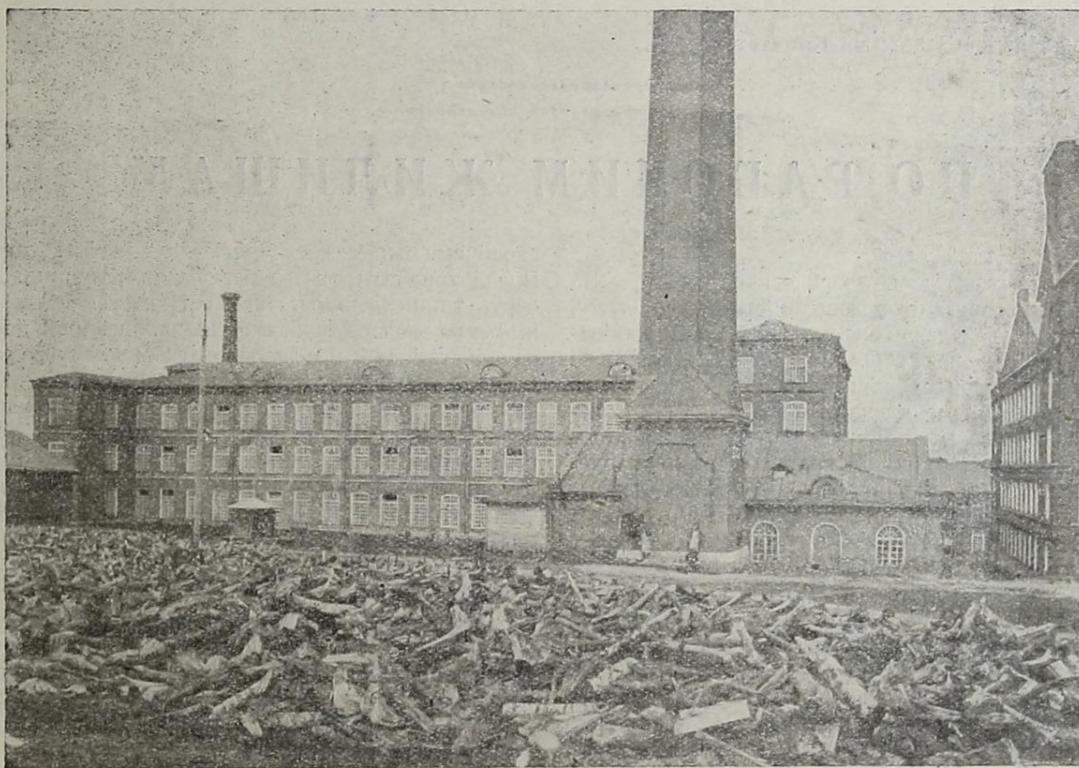
Приветствовали от всех учреждений и организаций, какие имелись в селе, гудливую, весело настроенную демонстрацию. Играла музыка, пели... Колыхались многочисленные плакаты.

«Не сдадим крупной промышленности буржуазным акулам.»— говорил, сияя, Озаров и радостный носился везде. Выступали новые, народившиеся за гражданскую войну и внимательно слушали и хлопали покоренные Озаровыми.

На праздник приехал Шумилов, приветствовал, и слезы радости блеснули на глазах старика.

Растрепал здоровье у него Ревтриб. «Скоро отдыхать, отдыхать сюда приеду», говорил.

К пуску Большой Дмитровской Мануфактуры в Иваново-Вознесенске.

Общий вид фабрик.

Пущена будет в половине июня. На фабрике 2181 станок и 69.608 прядильных веретен. Рабочих будет занято около 4.000

— Ну, а теперь пожалуйста одни работать, а кто отработал, отдыхать.

Разделилась рабочая масса на две равные половины и пошли в разные стороны.

Музыка играет буревой марш и десятку тысяч ног хочется плясать.

Осеннее солнце светит и греет по летнему и подогревает участливо людскую радость.

Опять, но в других руках, шумела фабрика, клокотал пар, гривами, вороных коней распластался дым по окрестности, гудок торжественно пел короткую песню и около фабрики приторно пахло испарениями и потом.

Новые свои учреждения, такие дорогие, уж родные, фабзавком, ячейка РКП, комиссии и рабочий директор Озаров.

На фабричных воротах синяя афиша.

Вечером в Рабклубе перед началом спектакля два часа говорили о пройденном пути за годы революции и гражданской войны. Так самому все было ясно, понятно, все на памяти, в глазах слышанное, виденное.

— Чертовски хорошо ты научился говорить—встретил его в зале Шумилов.

— На фронте комиссаром дивизии был, ведь не шутка. Всех в руках держал.

Рядом оба сидели в первом ряду. Озаров возбужденный, горячий, Шумилов умильно радостный, тихий. Конферансье с апломбом объявил:

— Исполнит русские песни Надежда Герасимовна Кормилицына.

— Ба-а,—удивился Шумилов,—дочери бывших фабрикантов стали для нас песни петь, потрафлять нам, усла-

К пуску Новой Мануфактуры в Иванове.

Фабрично-Заводский Комитет.

ждать наш слух своим голоском. Вот, Лавруха, что мы сделали, чего добились.

— На задних лапках перед пролетариатом... Чорт возьми, вот так победа, настоящая.

А она заливалась.

Красивое лицо, дородная фигура, — родовитое все, кормилицынского. Высокая грудь, широкие бедра обтянуты шелком, фигура грациозно изогнута.

Хлопали, орали «бис». Убегала и опять выходила, красиво затянула:

— «Ра-асполным полна моя коробушка

Есть и-и-и...»

— Много, много в тебе всего, жирная ты баба, летняя, — резонировал Шумилов.

Озаров хохотал.

М. Шошин.

.....

 ПО РАБОЧИМ ЖИЛИЩАМ.

— Девочка, где твой тятя?

— У козы отдыхает, вон—дверь с крестом.

Перепрыгнув вонючую, с зелеными пузырями, лужу, направляемся к досчатой двери, на которой углем изображен крест. Дверь без петель. Отваливаем, осторожно — осторожно (иначе развалится) приставляем к стене козьей резиденции, бочком (прямо плечами не войдешь), согнувшись пролезаем в низенькую хижину с соломенной крышей и соломенными стенами. Постелив под живот пиджак, смятый картуз вместо подушки, —ничком храпит на земле босой человек в синей вылинявшей рубашке. Будить не хочется. Назад, той же дорогой мимо лужи.

— А где твоя мама, девочка?

— Огород копает, вон за этой загородкой.

На руках семилетней женщины с косичкой ребенок: личико—печеное яблочко, во рту соска и такой маленький, словно кукла. Они в тени досчатой коробочки, стены которой пестрят надписями: «Развешанный чай Губкина Кузнецова в Москве»,—«Мыло казанское»,—«Стеариновые свечи». Коробочка сколочена из досок от ящиков с чаем, мылом и свечами. В коробочке, судя по острому едкому запаху, устроено «отхожее».

Идем в огород за сарайчиком, который не падает только потому, что с трех сторон в худые бока уперлись тонкие осиновые колья. Кривоплечая женщина с темными кругами под глазами оправляет, у стены сарайчика, грядку, похожую на могильный холмик. Здравуемся. Прошу разрешения посмотреть квартиру.

— На-те, глядите,—женщина протягивает ключ и простоудушно добавляет:—мы не сдаем, самим тесно.

Коротенько объясняю цель своего прихода. Интересно, мол, познакомиться с рабочим жильем.

— Пол я нынче не мела, извините нас,—вспоминает хозяйка.—Обождите минутку, я приберусь.

Она берет ключ и поспешно скрывается за низенькой дверью сарайчика. Неожиданное открытие: оказывается, это не сарайчик, а самый заправский дом. В крыше видна тонкая железная труба, обмазанная глиной. Все как полагается в настоящих домах: пара окон, видны занавески, блестит тусклая медь самовара. К сарайчику прижался другой—такой же, к этому третий, к тому четвертый. В кварталах английской бедноты Ливерпуля такие домики

сарайчики назывались «back-to-back» (спина к спине). После тридцатилетнего раздумья муниципальных властей, часть таких домиков—наконец—снесена была, как постоянный очаг холеры и заразных заболеваний, когда последние начали стучаться в двери светлых квартир состоятельных кварталов.*) Несколько тысяч домиков на далеких окраинах остались: здесь заразные болезни пожирали только бедноту, не достигая—по причине отдаленности—«чистых кварталов». Кроме земельных собственников, домовладельцев и лавочников вблизи подобных участков,—против сноса-перестройки последних особенно резко выступало католическое духовенство, потому что коренные жильцы, ирландцы бедняки, переселялись в кварталы, населенные протестантами и ускользали от духовных сетей католиков.

Нарисованный углем в крещенский сочельник крест на козьем хлеве и такой же крест над входом в «отхожее» свидетельствуют о благотворном влиянии православия в рабочем поселке.

— Пожалуйте,—приглашает хозяйка, с веником в руках появлялась на пороге своего дворца.

Входим прямо в квартиру,—коридора и прихожей нет. Высокий рост мешает выпрямиться—голова упирается в выпятившийся потолок, провалиться которому не дают четыре деревянных стойки. Первая комната четыре шага в длину, три в ширину, итого двенадцать квадратных аршин.

— Сколько вас здесь?

— Семеро. Я с мужем, трое ребят, тетка, да постоялка.

За перегородкой кухня, вернее—широкая русская печь, около которой тесно ведру с водой, паре ухватов и крошечному столику. Как тут управляется стряпуха—непонятно.

Семеро пьют—едят, проводят досуг и спят в первой комнате, которая меблирована столом, тремя табуретками и железной кроватью на кривых ножках. Запах хлеба, махорки, портянок, пеленок, кошки, угара от печки.

— Душно у вас,

— Можно окошечко открыть.

*) К. Гуго. Новейшие течения в англ. гор. самоупр.—стр. 110—119.

В раскрытое окно с гнилым подоконником видно другое окно домика напротив. В окне смотрит на нас с любопытством рыжебородый дядя с козьею ножкой в уголке рта.

— Дарь Петровна, что это за человек у тебя?

— Посмотреть пришел.

— А вы из каких будете?—интересуется дядя.

Знакомимся, здороваемся, протянув через окна руки друг другу.

— Заходите ко мне,—приглашает рыжая борода.

Отчего не зайти,—хотя картина жилья в рабочем поселке—особенно на Ямах—до тошноты однообразна «back-to-back». Домики спина к спине, бок о бок, подпертые кольями, покрытые заплатами, окутанные зимой для тепла мохом, соломой.

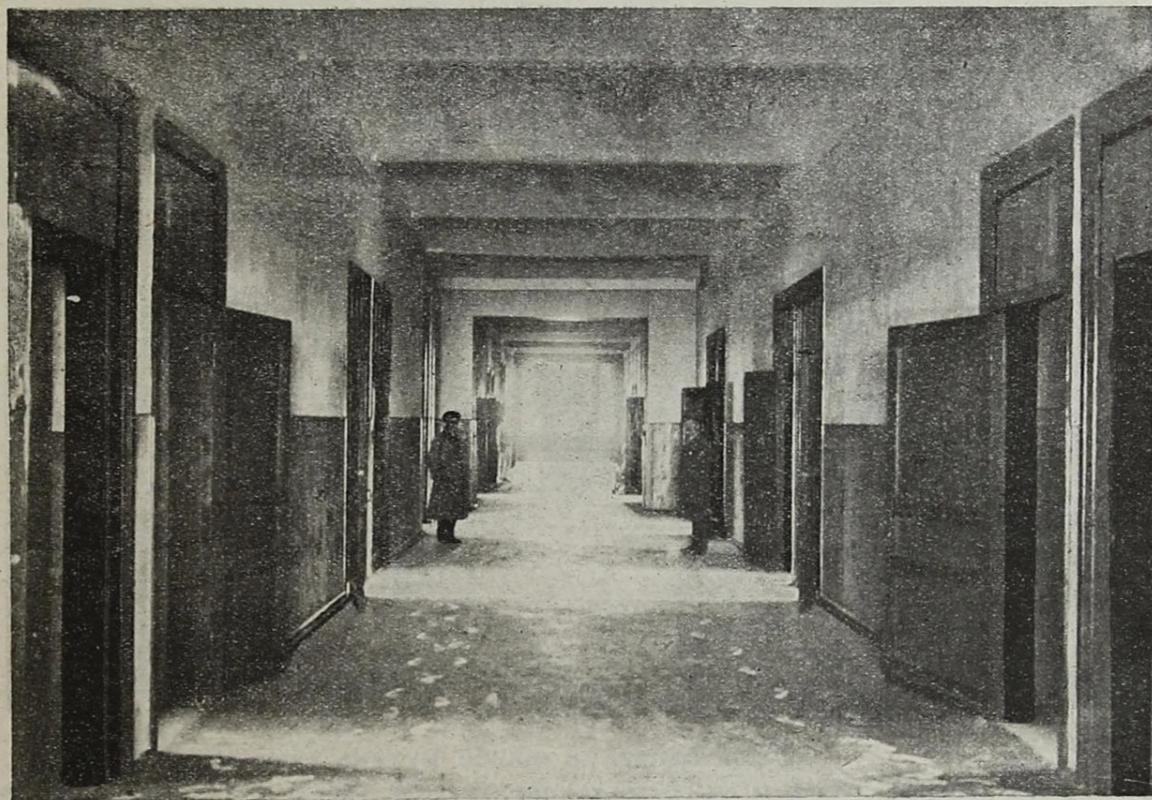
газета—редкость в таких хибарках: нет свободного вершка, чтобы раздвинуть локти для чтения или письма. Больные вместе со здоровыми, взрослые вместе с малолетними и на глазах детей происходят самые сокровенные тайны человеческого бытия.

— Теперь просторнее живем,—утешает бородач с безмятежной улыбкой.—А вот когда все фабрики работали; в два раза теснее было. Можно сказать, друг на друге жили. Сейчас вот нас шестеро, а прежде четырнадцать человек жило тут.

На моем лице, видимо, изображено столь ясное недоверие к этому сообщению, что бородач для убедительности клянется:

— Расшиби молния, ежели вру. Умещались, товарищ гражданин. Которые на печи спали, которые на полу.

Рабочие квартиры во дворе Зарядье-Вознесенской Мануфактуры в Иваново-Вознесенске.

Вид коридора (направо и налево двери квартир).

Держатся один за другой, как маленькие ребятишки за руки, все вместе не валятся, порознь обязательно упадут. Домики в ямах лепятся по краям оврагов. Качающиеся на ветру курятники, козьи хлевы, у счастливец коровьи стойла—похожие на рабочие домики, собачьи конуры, помойки, передвижные «отхожие» (яму наполнил, забросал сверху землей, вырыл другую поблизости и перенес досчатую коробочку)—все это перепуталось, переплелось, свалено в общую кучу.

— Не зашиби голову,—предупреждает рыжая борода, показывая на балку, в которой торчит конец длинного болта, назначенного для скрепы потолка.

Та же, что в десятках других осмотренных квартир, темнота, теснота, скудность—точнее, извечная, прочно унаследованная нищета от благодетелей-фабрикантов, на которых десятки лет работали обитатели этих ужасных ивановских «Ям», аккуратнейшие поставщики ивановских кладбищ и больниц. Нечего удивляться, что книга и

Бывало, так даже зимой дверь в сени откроешь. Потому-никакой возможности. Жар-ра!

Проходя кривыми загаженными улочками-переулочками рабочих поселков «русского Манчестера», невольно вспоминаешь классическое описание Энгельсом настоящего Манчестера*) в пору начинающегося расцвета промышленности на костях рабочих. Хижины-карлики втиснуты всюду, где когда либо существовал крошечный свободный уголок. Как черви в навозе, тысячи ткачей с семьями копошатся в этих низеньких, дешевых, на скорую руку постройках.

По истине, «как ни отвратительна лачуга, всегда найдется бедняк, который не в состоянии платить за лучшую» (Энгельс). «Только промышленность позволяет владельцам таких хлевов отдавать их в наем, губить здо-

*) Ф. Энгельс.—Положение рабочего класса в Англии.

ровые тысячи людей. Это сделала промышленность, которая без этих рабочих, без их бедности не могла бы существовать».

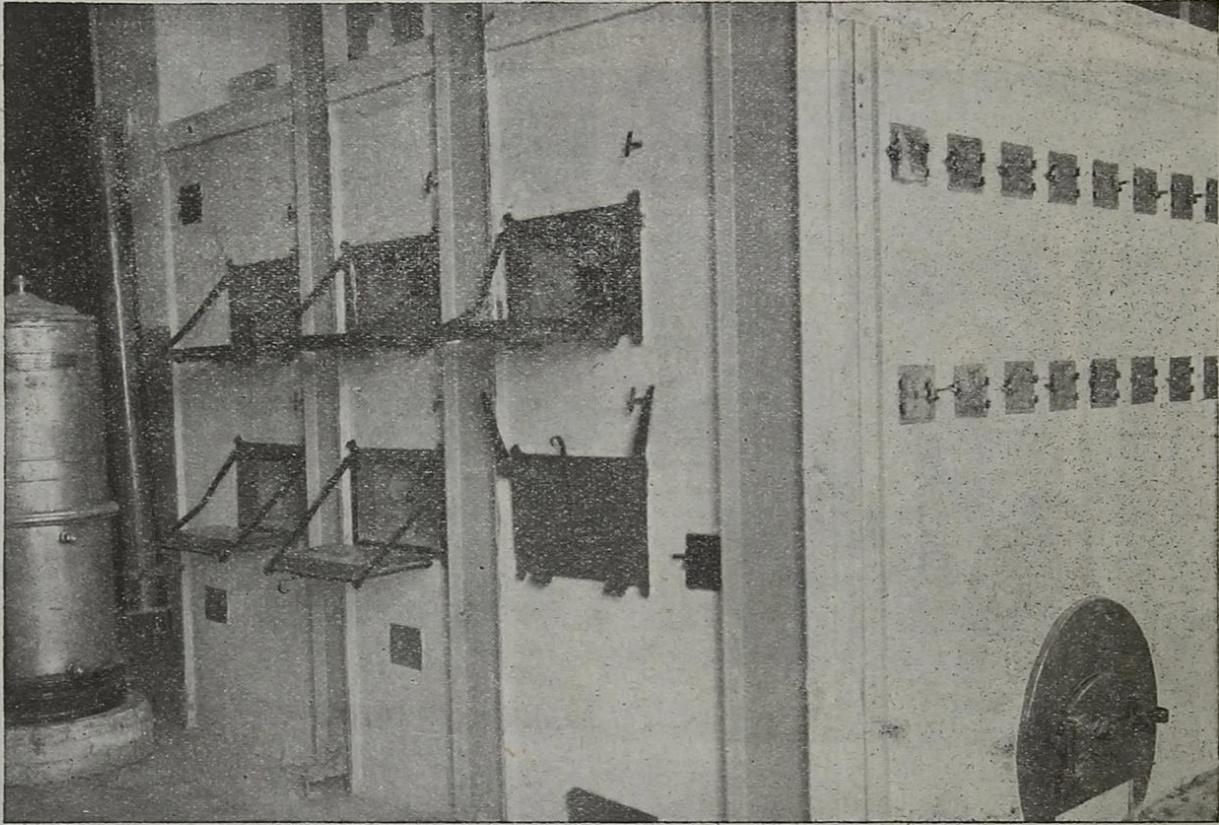
Корь, скарлатина, дифтерит, коклюш, оспа—испокон постоянные спутники здешних детей, от шума которых взрослые люди находят отдых... в козьем хлеве.

После безотрадных хождений по «Ямам», «Рылихе» и «овражным улочкам, с понятным удовольствием осматриваешь сто три квартиры для рабочих, только что отделанных в одном из корпусов Зарядье-Вознесенской ману-

гнийт вместе со своими тощими курами, шелудивыми поросятами и хилыми козами...

Жилищный вопрос в Иваново-Вознесенске естественно выдвигается на первый план. В отделе коммунального хозяйства Губисполкома разработан проект образцового и дешевого рабочего поселка. На очереди ближайших дней организация жилищно-строительной кооперации. Есть основания полагать, что оживление промышленности в нашем крае и пуск новых фабрик без старых «хозяев» ближайшим следствием будут иметь переустройство запакощенного старыми «хозяевами» города, в котором сейчас задыхается красный ткач.

Рабочие квартиры во дворе Зарядье-Вознесенской Мануфактуры в Иваново.

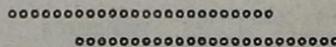
Уголок одной из общих кухонь.

В связи пуском фабрик, конечно, в городе почувствуется квартирный кризис для рабочих и служащих, но сейчас уже принимаются меры сгладить его первую остроту. Квартиры обследуются в городе особыми комиссиями. На очереди, конечно, и жилищно-строительное дело.

факуры. Трехэтажный корпус напоминает прекрасную гостиницу. В квартирах светло, чисто, много воздуха—до потолка «палкой не докинешь». Отличные общие кухни, громадные и светлые коридоры-улицы в каждом этаже. Перед окнами отличный садик для детворы. Нет чуланов, кладовок, курятников, свинарников—всего того, что необходимая принадлежность собственнического хозяйства. Но зато есть удобства, без которых обитатели «Ям»

Жилище, в котором человек проводит—примерно — побольше половины своей жизни, должно быть устроено светло, чисто, удобно и дешево. Имея полную возможность рассчитывать на всяческую поддержку своей рабочей власти и помощь хозяйственных организаций, наш рабочий одолеет очередную трудную задачу, действуя—как и всегда—не в одиночку, а рабочим коллективом, организацией.

М.

РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК

(Поэма).

Текстильщик Рэм Петрович Гарин—
Не миллионщик, не богач.
Он—коренной, заправский ткач,
А одевается, как барин.
Его пиджак не нов, но свеж.
Как снег, опрятная рубашка.
На шее—бант, на голове—ж
Надета светлая фуражка.
Таков костюм его, когда
Он отдыхает от труда.
Как только прогудит сирена,
Товарищ Гарин неизменно—
Послушен звонкому гудку—
Спешит на фабрику к станку...
Свисток... Закончена работа...
Скрипят фабричные ворота—
И вереница текстилей
Ползет по улицам, как змей.
Придя домой, товарищ Гарин
Смывает с тела грязь и пыль.
Как бесконечно благодарен
Воде и мылу наш текстиль!
Покончив с грязью неприятной,
Рэм Гарин, свежий и опрятный,
Умыт,
Побрит,
Переодет,
Садится с сыном за обед.

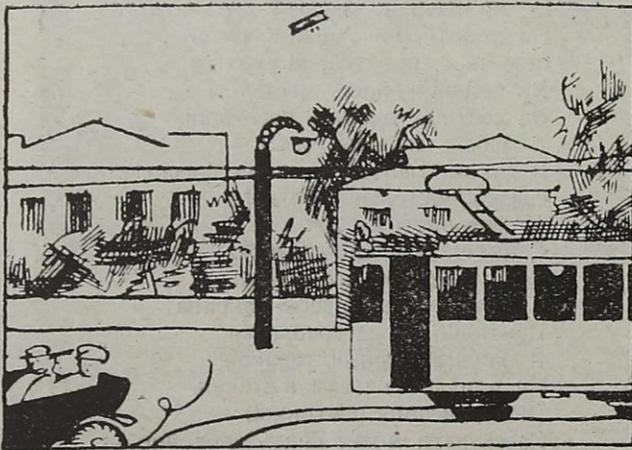
Живет товарищ Гарин в новом,
Удобном, светлом и здоровом
Красивом домике. При нем
Раскинут сад. Он густ и пышен.
Там россыпь яблок, слив и вишен
Лучится солнечным огнем.
Прямые тропки и аллейки
Ведут к узорным цветникам.
В дни мая Рэм Петрович сам
Кропит цветы водой из лейки,
Или-же вскапывает ряд
Красивых аккуратных гряд...
На них (прелестная картина!),
Супруга Рэма, Октябрина,
Питая к овощам любовь,
Сажает репу и морковь...
Товарищ Гарин—не бездельник.
Он даже пасеку завел!
Там, где колющий частый ельник
Льет, аромат пахучих смол,
Мы видим образцовый пчельник
И слышим звон работниц-пчел...
Минуя яблони и клены,
Теперь покинем сад зеленый
И невидимками войдем

По крашеным ступенькам в дом.
Невелико жилище Рэма:

Две комнаты и кухня, но
Мы с вами будем все равно
Поражены. Мы встанем немо:
Какая всюду чистота!
Не комната, а красота!
Ни копоти, ни сальных пятен...
Дом чист, приятен, аккуратен.
На подоконниках—цветы,
На светлых окнах—занавески,
А мебель молодой четы—
В таком слепящем, ярком блеске!
Свежо постельное белье!..
А серебристые обои
С каемкой нежно-голубою
Так украшают все жилье!
Светло и сухо. Здесь мокрица
Противно не засеребрится
И жирный черный таракан
Не попадется к вам в стакан.
(Все описания достойно!)
Здесь дети могут спать спокойно,—
Ни в розы щек, ни в нос, ни в лоб
Их не укусит жадный клоп.
Легко и просто здесь живется,—
Не надо надрывать живот,
Таская воду из колодца:
Есть ванна, есть водопровод...
А крошка-кухня, как витрина,
Блестит зеркальной чистотой.
Там между дел ласкает сына
Заботливая Октябрина,
Там никнет локон золотой
Над электрической плитой...
И суп-ли закипает, кофе-ль,
Дымится-ль на плите картофель,
Или глаза щекочет лук,—
Всегда спокоен тонкий профиль,
Уверенны движенья рук!...

Меж тем красивый домик Рэма
 (Прелестный и уютный дом,
 Прелесней, чем моя поэма!)—
 Не лучший дом в поселке том.
 Наряден трудовой поселок,—
 Там много домиков таких.
 Днем солнце—золотой осколок—
 Заглядывает в окна их.
 А ночь... Она в огни одета!
 От электрического света
 Бежит испуганная тень.
 Так ярко блещет только день:
 Проденешь нитку сквозь иголку.
 Светло рабочему поселку!..
 А сколько зелени кругом!
 В деревьях тонет каждый дом.
 И в каждом та же все картина
 Уюта, счастья, чистоты,
 Как в доме Гарина цветы,
 Кушетки, книги, пианино.
 Все жители—за чистоту,
 Все ненавидят тесноту,
 Все ясно сознают, что если
 В столе, кровати или кресле
 Появятся хоть два клопа,
 То постепенно все жилище
 Займет клопина толпа.
 Но ткач клопам отнюдь—не пища.
 Все знают (да и как не знать!),
 Что грязь—заболеванья мать.
 Просторны улицы поселка,
 Асфальтом залитые сплошь,
 Весной здесь ходят без калош,
 Не видя в них большого толка.
 Бежит по улицам трамвай,—

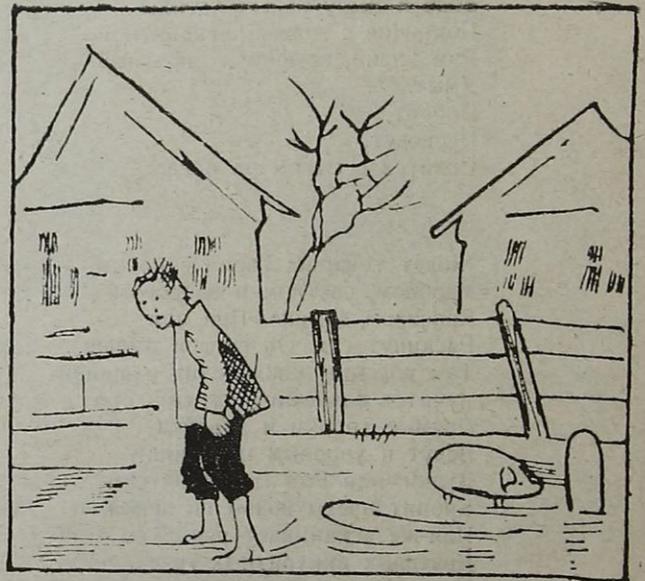

Запрыгивай и поезжай!
 Пронесутся автомобили,
 Совсем не поднимая пыли,
 И, оторвавшись от земли,
 Жужжат железные шмели...
 В тени таинственного парка,
 В узорном окруженьи клумб,
 По вечерам пылают ярко
 Недавно выстроенный клуб
 С читальней и с неизменной,
 Хоть и довольно скромной, сценой.
 Здесь как-то вольно дышет грудь,
 Здесь забываешь все заботы,
 Сюда приятно заглянуть
 По окончании работы,

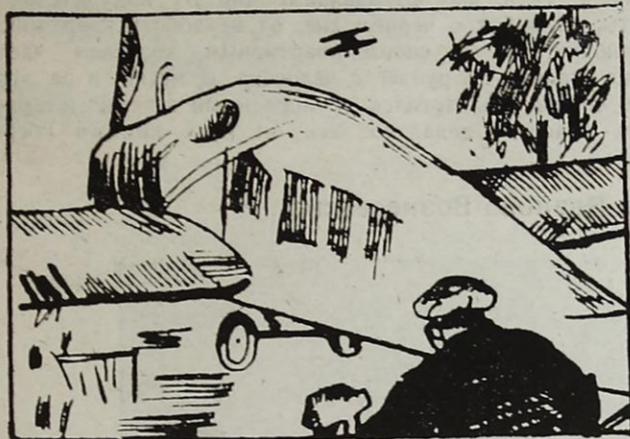
Поговорить и отдохнуть...

— Послушай, папочка! Каким
 Был раньше наш поселок? Им
 Я восхищаюсь, как Эдемом,—
 Сказал десятилетний Ким,
 Остановившись перед Рэмом:
 — Да говори-же, наконец!..
 — Да,—отвечал ему отец:
 — Ты, брат, заметил справедливо,
 Что наш поселок просто—диво!
 А раньше?.. Раньше не таким
 Был наш поселок, милый Ким!
 Пугливым, загнанным ребенком
 Я бегал по его избенкам,

По грязным улицам его
 И не забуду ничего.
 Вообрази, мой друг, гнилые,
 Кривые, тесные, сырые
 И закоптелые дома.
 Какая в них убогость, сирость!
 Зимой—мороз, весной—сырость
 И постоянно—полутьма.
 Не лучше было и снаружи:
 На узких улицах—вода,
 Противно пахнувшие лужи
 Не просыхали никогда,
 У нас с тобой—куртины, клумбы,

Тогда-же лишь гнилой забор
 Да иструхляевшие тумбы
 Пытались развлекать наш взор.
 В засуху—пыль, а в дождик—слякоть,
 Повсюду—груды нечистот...
 В засасывающую мякоть
 Вяз одинокий пешеход.
 А мы с тобою каждый праздник

Садимся на аэроплан
 И улетаем, мой проказник,
 В душистый край лесных полян.
 Ты говоришь, что мы—в Эдеме...
 А сколько было в те года
 Среди простых детей труда
 Свирепых, грозных эпидемий!
 Как тиф разил людей тогда!
 Как беспощадно их косила
 Жестокая слепая сила,
 Неумолимая беда!

От грязи, вони, едкой пыли,
 От страшно вредной тесноты
 И непроглядной темноты
 В могилу взрослые сходили.
 А сколько было среди детей
 Таких чудовищных смертей!
 Они ушли бесповоротно,
 Их сон ненарушимо нем.
 Да, я готов признать охотно:
 Наш уголок
 Совсем—
 Эдем,
 В сравненьи с тем,
 В котором вырос,
 Глотая копоть, пыль и сырость,
 Твой старший друг, известный всем
 Как честный парень
 Гарин
 Рэм...

— Но как родился наш поселок?..
 — Рассказ мой, Ким, теперь недолог:
 Рабочий понял, что ему
 На месте грязного кладбища
 Необходимо самому
 Построить новые жилища,
 Прогнать немелю грязь и тьму
 И залучить в квартиры солнце...
 Тогда текстильщики, сплотясь,
 Пошли войной на мрак, на грязь,
 На закоптелые оконца,
 На треснувшие косяки
 И низенькие потолки.
 И вот,—где было чадно, грязно,
 Убого, тесно, безобразно,—
 Родился наш поселок—сад
 И жизнь пошла на новый лад!

Д. Селеновский.

О том, как в прошлом рабочие жили в шоколадных домиках.

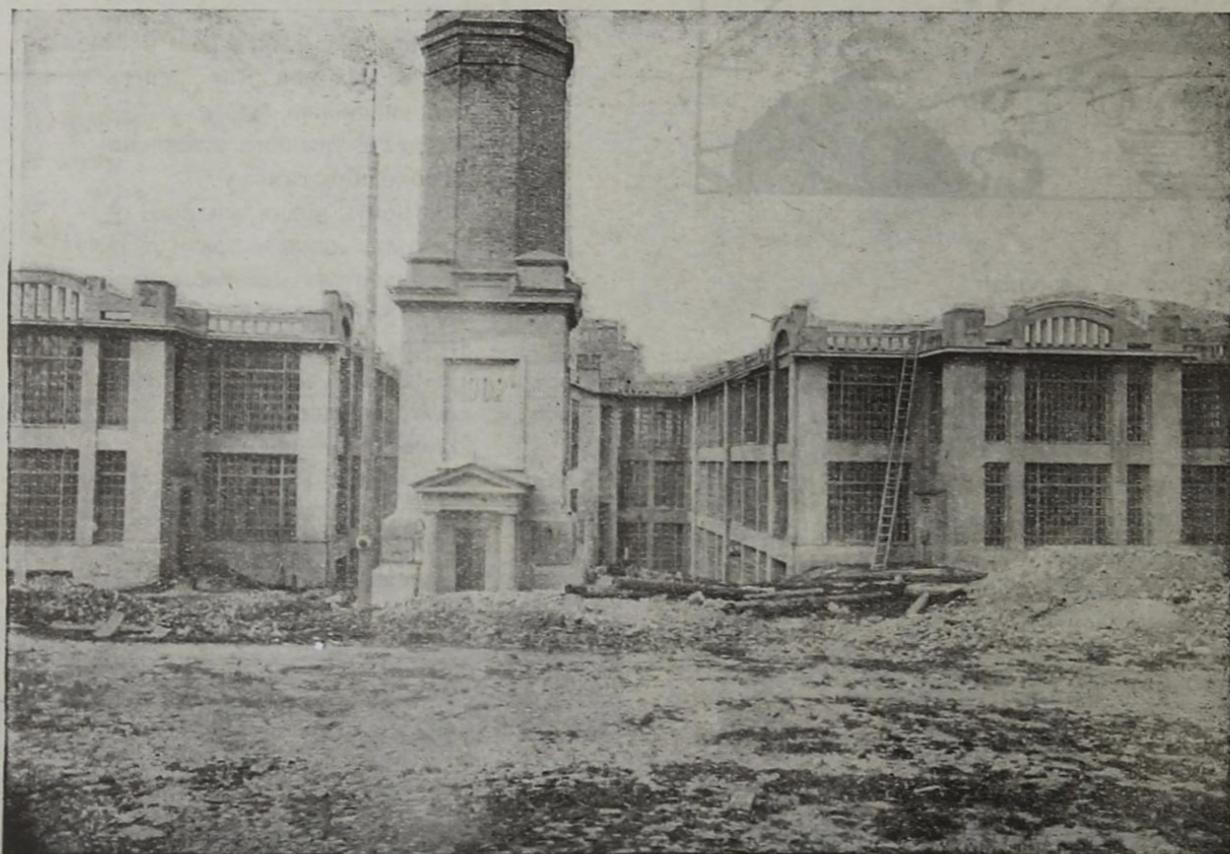
Кусочки старого рабочего быта.

Запутанное и весьма обостренное положение с жилищным вопросом часто со стороны некоторых рабочих и поддакивающих им обывателей вызывает такое недоумение: ведь вот рабочим как в прошлом ни жилось плохо, а они все-таки строились и своими силами создали ряд рабочих поселков-пригородов, что тесным кольцом окружают наш город и придают ему вид внушительных размеров.

Стараются эти люди изо всех сил утверждать, что в прошлом много было всего и съедобного и удобного, но мы смело можем утверждать противное, что никаких кисельных берегов здесь не было и что молочных рек между ними не протекало, а протекала здесь грязная, по вине фабрикантов, река, а на берегу ее стояли шоколад-

их хозяева-фабриканты считали здоровыми, способными работать, а когда они оказывались за воротами фабрики, выбитыми из трудовой армии, начинался из их сберегательной книжки отлив и рабочий был значительно быстрее прилива в нее денег, и когда он брал свой последний рубль, прощался со «львами» (львы были на воротах сберегательной кассы) он был уже на половину в могиле. Он вскоре после этого рубля ложился в больницу и там доканчивал свои многострадальные дни от изнурительной работы, от забот о черном дне, от неудобств квартирной обстановки, где он своим квартирным хозяевам часто платил только по рублю с человека в месяц, и за этот рубль он еще пользовался „купоросными газами“ и горлодером - квасом и делал все это он ради книжки сбере-

К пуску Новой Мануфактуры в Иваново-Вознесенске.

Вид фабрики со двора.

ные домики, но чаще домики только с шоколадными полисадничками и наличниками.

Шоколадными они назывались только потому, что были окрашены в шоколадную краску, но и эти домики-пигмеи, в большинстве 7×8, доставались рабочему не так легко и не так просто и это «благополучие» рабочего всегда строилось только на его «мертвом бюджете», на его «сбережениях», что было постоянным урезыванием в питании, в costume и даже в урезывании того, что они своих малых детей ничем не баловали и совсем были чужды каких то бы ни было расходов на культурные надобности. Одни из этих благополучных рабочих были «бездомниками», жили только исключительно заботой о книжке сберегательной кассы и жили ею до тех пор, пока

гательной кассы, у которой был всегда только один финал—смерть.

Как же жили и строились сами хозяева, держатели рабочих квартир?

Одним удавалось строить дома на деньги сберегательной кассы, но это практиковали весьма немногие. Хозяйственный способ постройки домов мало улыбался держателям денег на «книжке», они предпочитали ему «банковские операции». В этих случаях, в случаях, когда рабочий захотел построить, ему на помощь приходили подрядчики-лесники, брали они подряды у рабочих строить дома «на выстройку», рабочий входил в совсем выстроенный дом и подрядчику платил ту ежемесячную сумму, какая полагалась по условию. Ежемесячная выплата рабо-

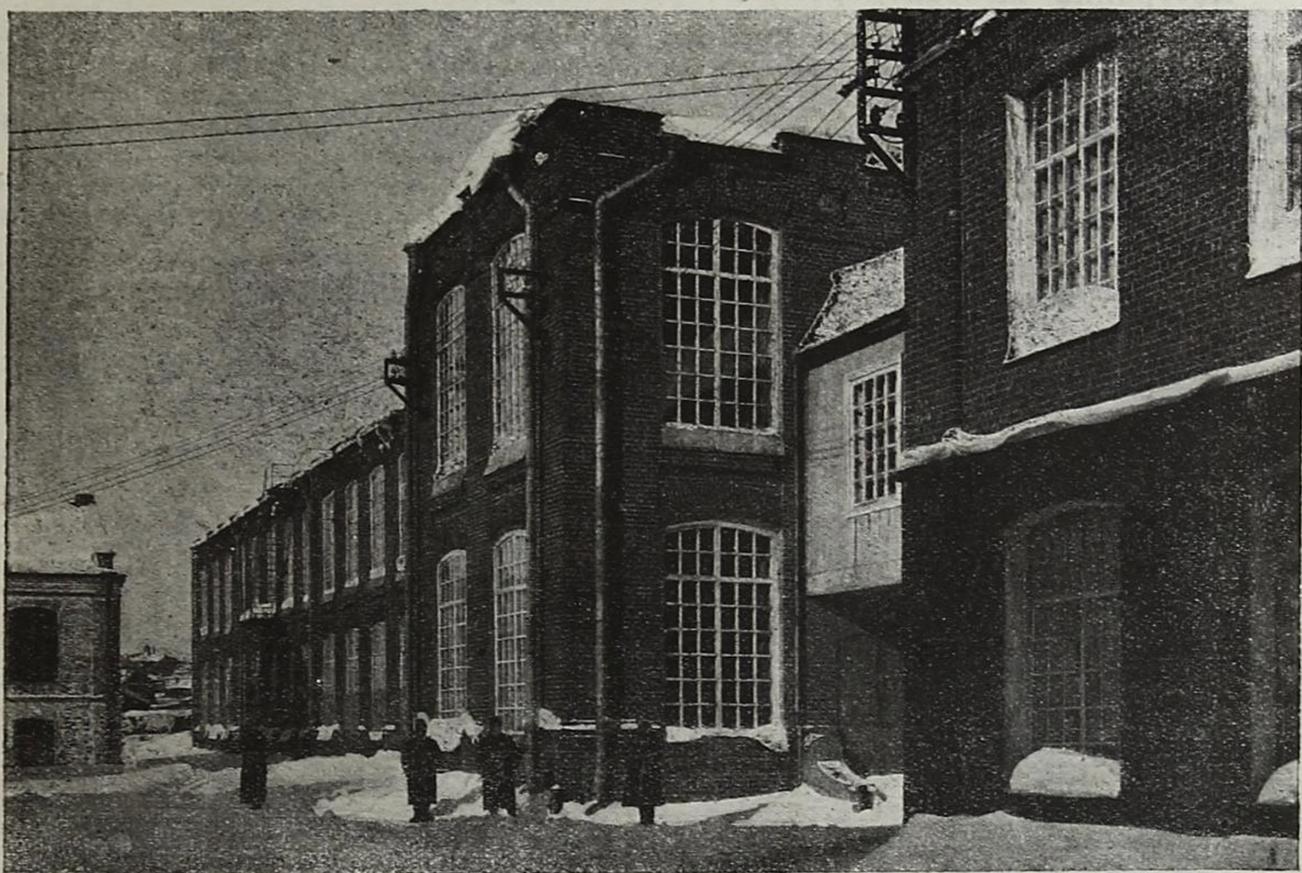
чим подрядчику его бюджет, как и бюджет держателя «сберегательной книжки, также делала «мертвым» и жизненный путь как самих хозяев — домовладельцев, так и их квартирантов был краток, они умирали в возрасте между 40—50 годами и только с той разницей, что одни, квартиранты, чаще в больнице, а другие, хозяева, в «собственном доме».

В этом «собственном доме», на окнах которого часто красовались наклейки: «желаю жильцов вместе с хозяевами». А это ведь говорило о том, о той картине рабочего быта, которая всегда была каким то кошмаром непрерывной, все путающей суеты, среди которой человек искал покоя и никогда его не находил. Эти «собственные дома», строящиеся всегда на арендной земле, на маломерных участках, как, например, на Ямах, где на какой-нибудь Петропавловской улице была еще другая внутренняя Петропавловская улица, и у этого «собственного дома»

ставая ужин, обед. Тут постоянно спорили и ругались из-за места для самовара, хозяева жаловались на то, что много идет углей, курящие переругивались с некурящими, а если кто-нибудь бы вздумал в ночное время между 10-тью и 4-мя часами ночи зимой, конечно, зажечь лампу и посидеть за книгой или за газетой, то ему этого сделать бы не дали и сказали бы, что он делает «не дело», не дает спать. А если ко всему этому прибавить еще выпивку, да у рабочих еще были и дети, то как же все это можно было называть, как не кошмаром, как не постоянным умиранием, что ничем не отличалось от повального коллективного самоубийства, это была какая то непрерывная агония рабочего бытия и никому до этого не было дела.

Никаких понятий об охране материнства и младенчества не существовало, ничьих, никаких забот о рабочих не было, фабричные доктора и фабричные инспектора ни-

К пуску Зарядье-Вознесенской Мануфактуры в Иваново-Вознесенске.

Во дворе фабрики.

был часто такой двор, что негде, как говорили, было кошке погулять, а сам он был битком набит и хозяевами, и жильцами.

Жителями этих мест были больше ткачи. Для ситцепечатников, которых всегда было меньше, на фабриках имелись для одиноких спальни и артельные кухни и только семейные ситцепечатники разделяли участь ткачей, ютились кой-как, кое-где, по 20—30 человек в совсем небольшой хибарке, в шоколадном домике.

Всего хуже было хозяевам этих хибарок со сменными квартирантами.

Первая утренняя смена работу начинала с 4-х часов утра и кончала в час дня, вторая работала с часу дня и до 10-ти часов вечера, так что свободного ночного времени было только 6 часов, да и того меньше: у вечерней смены время еще уходило на дорогу и на ужин, а у смены утренней на сборы. И в этих квартирах только целый день хлопали дверями, хлопали заслоном в печках, до-

когда не были гостями этих поселков, а постоянными гостями этих поселков были иные люди, заботившиеся и охраняющие рабочих от непорядков, от непочитания ими властей, бога, это были жандармы и полицейские, представители, так называемых официальных кругов.

Бывали тут и другие гости, неофициальных кругов, это были сборщики податей, выбивавшие оброки в пользу промышленных и торговых предприятий, агенты-продавцы в рассрочку швейных машин и страховые агенты частных страховых обществ, страховавшие строения у рабочих тоже в рассрочку. Не редко последние были виновниками того, когда рабочие свои домишки задумывали продавать, а они это часто практиковали, то старались их обшить тесом и окрасить в «шоколадную» краску, как более дешевую, и этим они поднимали их ценность при страховой оценке.

Когда взглядишься и вдуматься в то, что рабочие в прошлом пользовались всяческими льготными рассрочками,—

на льготных условиях им под строения сдавали в аренду землю, в рассрочку подрядчики—лесники им строили дома, в рассрочку их страховали и даже в рассрочку эти дома обставляли, награждали их швейными машинами, на которых часто и шить то было нечего, то казалось бы, рабочему оставалось только одно, что благословлять свою судьбу, а получалось совсем обратное, жили они все весьма помалу и рано—рано становились все кандидатами на кладбище.

В 1921 году в Иванове 1-го мая чествовали героев труда, и среди текстильщиков—героев никого не было старше 62 лет и это были редкостные экземпляры человеческой рабочей породы.

Если бы нам понадобились для написания истории рабочего движения в Иванове живые свидетели его дальних лет, то нам об этом рассказать могли бы очень немногие и ранний срок в рассказах об этом движении было бы только начало семидесятых годов прошлого столетия. Рано, слишком рано умирали люди.

Отсюда выводы, что все кампании прошлого: домо-строительства и, вообще, накопления рабочими «собственности» и других сбережений, были совсем неудачными и если они это считали борьбой за улучшение своего положения, то в этом они жестоко ошибались, их «шоколадные» домишки были из не настоящего шоколада как для самих владельцев домов, так и для их квартирантов.

Старожил.

Наши хозяйственные успехи.

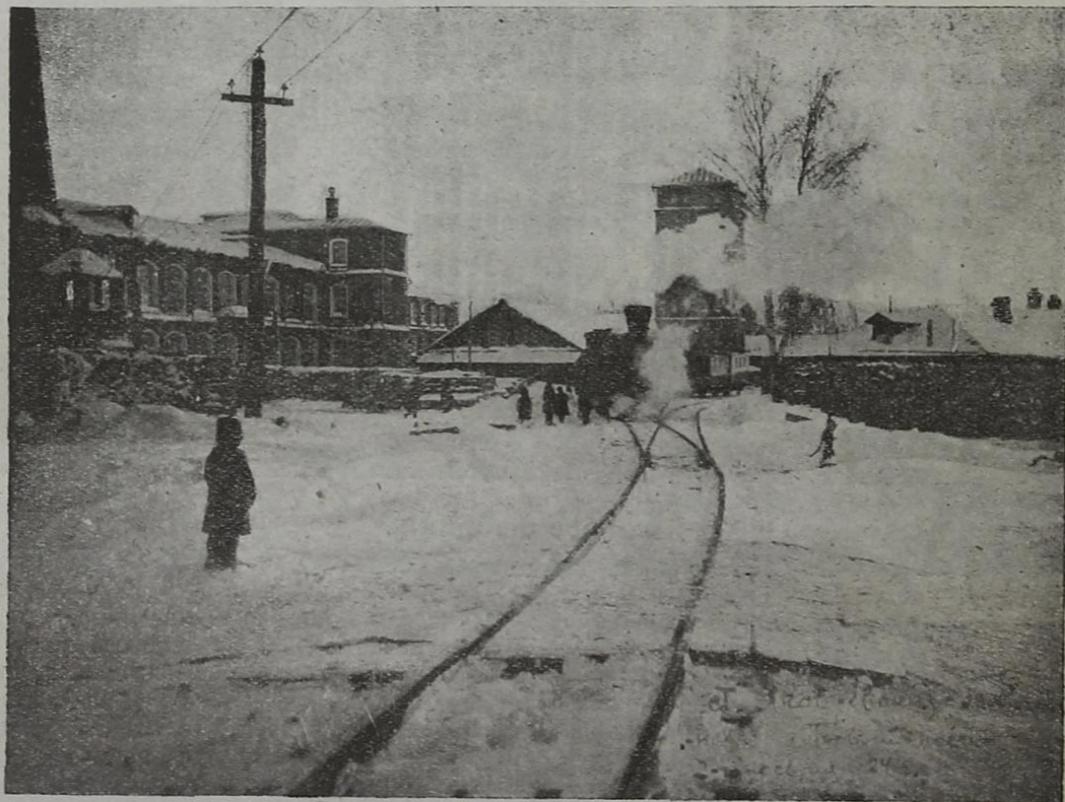
Постройка железнодорожной линии Середя—Яковлевское—Плес.

После проведения ж.-д. Иваново-Нерехта в 1895 году, заинтересованные учреждения и лица подняли вопрос о соединении рельсовым путем Середы с г. Плесом.

Вопрос этот обсуждался в комиссиях, но вследствие личных соображений разных лиц постройка долгое время не разрешалась. Война 1914 г. положила конец всем сомнениям и все-таки после долгих мытарств в 1917 г. дорога была

за 1918-1921 г., несмотря на невероятно трудные условия, были сделаны значительные работы. В то время, как промышленность тогда сокращалась, фабрики работали не в полную нагрузку и по причине недостатка сырья и продовольствия закрывались, между Середой и Яковлевским воздвигались новые сооружения, велись земляные работы и начали уже ходить рабочие поезда до 8-й версты.

Железнодорожная линия Середя-Яковлевское Плес.

Станция Яковлевская—Товарная, первый поезд 2-го февраля 1924 г.

разрешена к постройке. В 1918 г. она была начата и должна была закончиться в 1920 г. Вследствие недостатка отпускаемых средств и материалов в 1920 году решено было ее строить до Яковлевских льняных фабрик. Со снятием с государственного снабжения в конце 1921 года работы прекратились совершенно. Этим закончился первый период постройки. Надо считать все-таки, что за это время, т.-е.

Новая и живительная струя была влита в дело постройки, когда трест «Льноправление» решил на свои средства достраивать ж. д. линию до Яковлевского. Этим начался второй период постройки. В конце 1922 года укладка была доведена до 17-й версты, до урочища Мелихово, находящегося в 3-х верстах от Яковлевского. В 1923 году были произведены крупные работы по переустройству старых

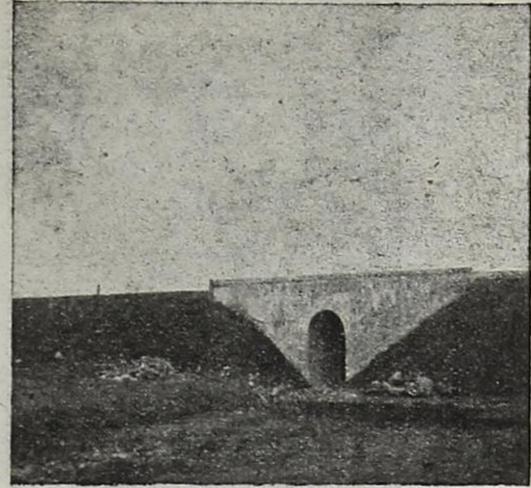
17-ти верст и по постройке новых 5-ти верст до двора Яковлевской фабрики.

Всего исполнено за 23-й г. земляных работ свыше 7.500 куб. саж., построен мост через р. Таху, рассчитанный на широкую колею, произведены разные железо-бетонные работы и т. д. Ввиду того, что удалось организовать сильную собственную построечную организацию, большинство работ было сделано хозяйственным способом, который по подсчету дешевле подрядного от 10 до 30%.

Почти все граждане в Яковлевском и в Серде еще весной 23 г. не хотели верить, что к концу года поезда будут ходить до самого Яковлевского. Никто не представлял себе, кроме лиц близко стоящих к делу, что возможно в настоящее время строить ж.-д. дорогу. Теперь же, после открытия временного движения, пессимизм рассеялся. Ездят много пассажиров, благодаря введению твердого расписания и начинают поступать частные грузы.

В настоящем 1924 г. будут продолжаться земляные работы на новом участке и будет приступлено к переустройству деревянного моста на 8-м километре построенного в 1919-1922 г. уже отслужившего свой срок, на постоянный каменный мост. Остро попрежнему стоит вопрос о балластировке пути. Песку своего на линии почти нет. Путь уложен на глиняной насыпи и очень сбивается в стороны. Частично крестьяне подвозят песок к линии из своих карьеров и в некоторых местах путь поднят на балласт.

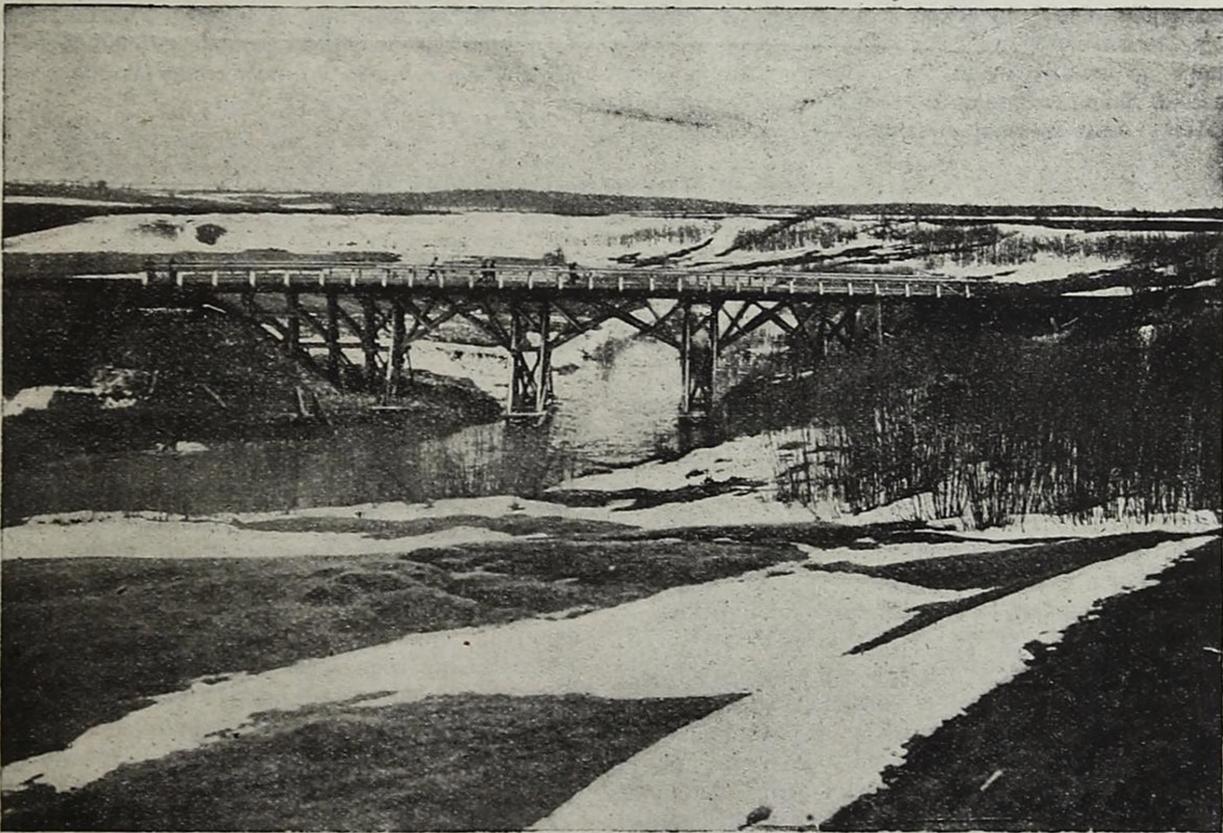
Железн.-дорожн. линия Серда—Яковлевское—Плес

Мост на первом километре.

Проведением линии на Плес сокращается расстояние от Иванова до Волги у Плеса, сравнительно с расстоянием до Кинешмы, на 18 верст. В нашем районе намечались некоторые стремления участков в связи с проведением линии

Железно-дорожная линия Серда—Яковлевское—Плес.

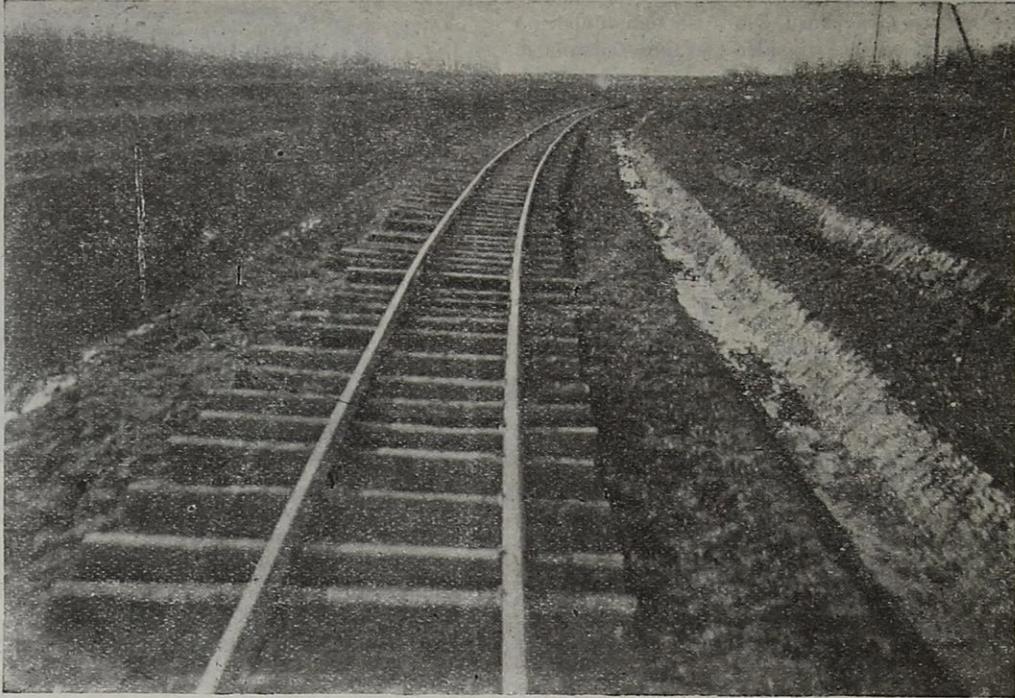
Мост через реку Таху.

Вопрос о продолжении линии на Плес решится только тогда, когда найдутся местные средства для возобновления постройки. Работы между Яковлевским и Плесом велись до 1920 года, по обследованию, произведенному летом 1923 года. Там исполнено было не менее 40% земляных работ. Заготовлен кое где камень и песок. Есть казарма со службами в Плесе, где живет железнодорожный сторож.

Ермолино—Кинель Самаро-Златоуст. ж. д. Произведены изыскания Шуя—Ермолино и в 1919 г. Иваново—Серда. Последняя линия имеет длину 27½ верст.

Льноправление будет поддерживать продолжение линии до Плеса, т. к. Яковлевские фабрики связаны с Волгой, работают почти с полной нагрузкой и отличаются высокой производительностью труда, но одному Тресту не выдержать

Новая железно-дорожная линия Середя—Яковлевское—Плес.

Выемка на четвертом километре.

всех расходов. В настоящее время имеются уже Акционерные Общества достройки Семиреченской ж. д., Ачинск-Минусинской ж. д. и др. Несомненно, для достройки ж.-д. Середя-Плес придется идти по этому пути. Это будет уже третий период постройки. Заинтересованные Исполкомы Ивановский, Середский и Плесский и Тресты должны войти акционерами

в О-во. В частности Середский Исполком 4-го апреля с. г. вынес постановление о необходимости достройки линии и создании комиссии из заинтересованных юридических лиц. В ближайшее время комиссия приступит к работе.

Инженер Е. Болдаков.

.....

Рабочий праздник.

Фабрики пускают!

Об этом говорят в Иванове, в Шуе, в Кинешме, в селах, в деревнях, говорят в соседнем Владимире, в далекой Казани, об этом толкуют в московских кафе и в глухих уездных трактирах.

Это не простая новость, это—исторической важности событие: ведь вновь пробуждается промышленность и в ситцевом краю, в стороне красных ткачей, которых знают не только по нарядным ситцам, но кое кто крепко помнит по их винтовкам...

Повеселела унылая доселе Шуя: в июне-июле задымят трубы Большой мануфактуры и бывшей Посылинской фабрик. По вторникам и пятницам в огромном дворе Большой мануфактуры толпы крестьян, которые берут удостоверения о своей прежней работе на этой фабрике. На шуйской бирже труда нужны плотники: спрос рабочей силы больше предложения. Не хватает мастеровых хорошей квалификации. Почему? Весело гремят в ожившем Заречьи молотки, визжат пилы, рубанки, гудят кузнечные горны, гремят улицами десятки подвод с фабричными грузами. До тысячи человек заняты спешным ремонтом прядильной и ткацких фабрик. Дорогой из деревни торопятся росным утром фигуры пешеходов с узелками. Это старые мастера спешат... на фабрики! До четырех тысяч людей скинет со счетов безработицы шуйская биржа труда, когда пойдут названные фабрики.

— Ну-тко-сь! отмахни полфунтика вареной!—деловито приказывает в лавочке чумазый дядя, показывая пальцем на колбасу. Почему она?

— Шестьдесят копеек фунт? Эка, подумать, недоступная цена! Не прежние времена, когда запрягшись плечами в острые веревки тащил около чугулки плуг, опавшая три четверти меры посаженной на семь ртов драгоценной картошки. Будет, отмаялись, поголодали. Бились на фронтах, на тысячу верст гоняли за полпудом зерна, три—четыре года маялись от безработицы, когда счастливые сотни работали на фабриках, а тысячи ходили на биржу «отмечаться» и с горя, для облегчения своего, ругательски ругали всех и вся. А теперь вот:

— Р-режь фунт, чего делать с полфунтом. Да ситного фунтика два.

Вот они, заработанные четыре рублика бумажками и семьдесят пять копеечек серебром. Видали?

— Псдай на пропитание,—просит нищенка.

— Сделай одолжение, мамаша. На, гривенник—не жалко. И колбаски, на! И ситного кусок получай. Бери, бери, не стесняйся. Мастеровой, рабочий человек не какой сквалыга буржуй, который копеечку к копеечке приколачивает, толстым ногтем живую человеческую душу на другом ногте словно вошь какую давит и всем брюхом на свои капиталы наваливается, чтобы не убежали. Рабочий

К пуску Зарядье-Вознесенской Мануфактуры в Иваново-Вознесенске.

Старые рабочие и служащие фабрики.

Пуск нашим Трестом фабрик нельзя рассматривать только с точки зрения ликвидации безработицы. Пуск фабрик—это показатель крепнущей Советской промышленности,—отсюда: массовое производство товара, его удешевление, растущая связь с крестьянством, которое за свои продукты получит более дешевые товары, конкуренция с товарами Западной Европы на азиатских рынках. Это факт огромной политической важности.

человек, когда сам сыт и другим покушать дает. Была бы только работа, а своих рук и силы не жалко, хватит на наш век. Вон они, красавицы наши, трубы высокие, задымили. Пробу делаем,—все ли ладно, все ли на местах и в порядке.

— Как я получил, значит, свои двадцать три с полтиной, первым долгом супруге своей Агаше такие слова:—Позволь мне, Агаша, два рубли на гулянье, потому как я, значит, совсем стосковался и желателно праздник наш отметить. И она, моя Агаша, слова поперек не молвила, а гривенник от себя еще добавила. Ваше здоровье, Лука Петрович! С праздником.

— И вас также, Андрей Иванович.

Прятели весело чокаются стаканами. Мастеровщина отдыхает в субботу от тяжелых буден недели.

Конечно, праздник. Большой рабочий праздник. В Шуе на Большой мануфактуре и на бывшей Посылинской фабрике,—в Иваново на огромных Зарядье-Вознесенской, Большой Дмитровской и Новой фабриках,—в Кинешме на Веткинской фабрике тысячи работниц и работников наполнили каменные корпуса, чистят, ремонтируя, проверяя «замороженные» машины. Чем не праздничная уборка перед приходом к станкам двадцати тысяч пролетариев?

Пока единицами и десятками потянулись в наши края из дальних губерний старые ткачи, в гражданскую войну осевшие „в хлебородной стороне“.

— Прямо пожар какой то,—жалуется на Ивановской бирже ответственный работник, отирая рубахой потный лоб.—Замаялись.

Пробраться к нему за досчатую перегородку стоит огромных трудов. Плотная стальная стена ткачей стоит на улице, перед входом, на лестнице, забиты все коридоры,—шевельнуть рукой нельзя. Идет проверка документов, регистрация, посылают на работы, посылают на испытание.

С квалифицированными рабочими слабовато,—не хватает. Фабрики возвращают часто обратно записавшихся слесарями, токарями, мастерами. Иной «слесарь» держит зубило двумя пальчиками, в тиски зажимает рукав своей рубашки вместе с болтом, который поручают ему для пробы нарезать.

Несколько человек, присланных биржей на Большую Дмитровскую, на наших глазах дезертировали с фабрики, когда механик подвел их к диковинным приборам, с которыми они—якобы работали с юности.

— Эх, только время с вами зря тратишь,—кричат им вслед.

Время дороже денег. Срок пуска назначен на 15 июня. Раскатать заснувшие фабрики, осмотрев каждый винтик,—трудная, ответственная задача. Бездыханные корпуса зашумели с крыши, по которой гремят маляры, до ям котельных, где бегом, срочно работают каменщики и слесаря; нужно предусмотреть каждую мелочь.

— Проверить потолок,—коротко бросает помощник директора, тыча пальцем в трещины, с,—и мячом прыгает по лестнице дальше.

— Пришлите скорее тряпок с маслом,—кричит вниз ткацкий подмастерье на другом конце корпуса.

— Как с ножами на стригальные машины?— справляется у помощника механик, справляется на бегу.

— Приступили к правке и точке,— следует короткий, быстрый ответ.

Всем ужасно некогда.

Обыватели и мещане кончили разговоры о последних временах, Антихристе и патриархе Тихоне, сидя с подсолнухами на лавочках перед домиками.

— Не до Антихриста и позабыт патриарх Тихон.

— Васютка мой поступил в контору,—торжествует тетка в белом платочке.

— Очень приятно,—поздравляет соседка.— Мой Андрей Никитич сказывал, что народу разного много потребуется.

— У товарищей всего напасено,—уведомляет с победоносным видом тетка в платочке.—Добра, добра этого самого на складах!

— А вот, все говорили, будто испорчены машины.

— И—и, что вы. Васютка мой не скажет зря.

Крошечная парикмахерская на углу рабочей улицы. Немудрая обстановка: зеркальце, две пары стульев. Несложный туалет: плешивая щетка, единственная бритва и машинка, которая скрипит на манер несмазанной двери.

— Ой!—воскликает клиент, хватаясь за ухо.—Щиплет, Кузя, твоя машинка.

— Не извольте беспокоиться, вот фабрики запустят, не будем щипать. Новый инструмент приобрету, место у меня видное, фабрики прибавят работки и тогда...

Широкий жест свидетельствует о широких горизонтах всяческого благополучия, которое связано с пуском фабрик.

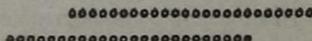
Наш край фабричный, промышленный и все прекрасное знают, что значат для нашей стороны фабрики.

К. Кубов.

К пуску Зарядье-Вознесенской Мануфактуры в Иваново-Вознесенске.

Срочно ремонтируют шуровку.

Типы домов в рабочих поселках.

Организация жилищного строительства в широком масштабе, в настоящей момент в виду его малопродуктивности, возможна лишь путем кооперативным при самом активном участии государства. И Всесоюзный съезд по жилищной кооперации подтвердил это вполне своими пожеланиями об активном участии государства в жилищно-строительных кооперативах.

Но прежде чем говорить об организации постройки на каких бы то ни было началах, постараемся осветить вопрос с технической стороны. Что должен представлять из себя поселок? Первое требование, которое можно предъявить к поселку еще до его выстройки это—расположение его на вполне здоровом в климатическом и гигиеническом отношении, участке земли. Участок не должен быть расположен далеко от города в частности от тех фабрик

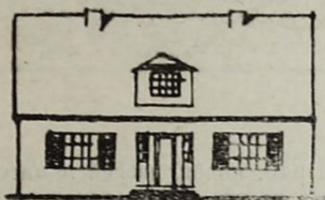

Рис. 1.

и заводов, на которых работают в своей массе населяющие поселок. Местность, выбираемая под поселок, не должна быть слишком ровна, также не должна быть и очень холмиста. При постройке поселка насаждение деревьев и кустов должны играть существенную роль. При разбивке, т.-е. планировке улиц прежде всего необходимо считаться с выборными типами рабочих домов, дабы при их постройке не могло получиться неправильное, а подчас и вредное распределение окон по странам света, т.-к. одно из необходимых условий здоровой квартиры должно быть освещение ее со стороны юга, востока или запада, но отнюдь не севера.

Если рассматривать употребительные типы домов поселкового строительства, применяемых на Западе и у нас в России, следует прежде всего оговориться о тех требованиях, какие могут быть предъявлены к квартире. Здесь на

Рис. 2.

первом плане должны стоять удобства как в смысле расположения комнат, так и в смысле рабочего быта. Расположения комнат вне сомнения должны быть центральной системы, т.-е. во все комнаты можно попасть лишь из передней (прихожая). Проходных комнат не должно быть. Все первостепенные комнаты—спальни и жилые, окнами должны выходить, как уже упоминалось, на юго-восток или запад; на север допустимо расположение комнат лишь второстепенного назначения в виде кухни (если она не носит характер еще жилой комнаты), кладовых, уборных и т. п., при обязательном каждый раз принципе сквозного проветривания квартиры. В смысле рабочего обихода придется предъявить каждый раз требования выделения комнаты-шкафа (очень небольших размеров) хорошо снабженной искусственной вентиляцией, где бы можно было

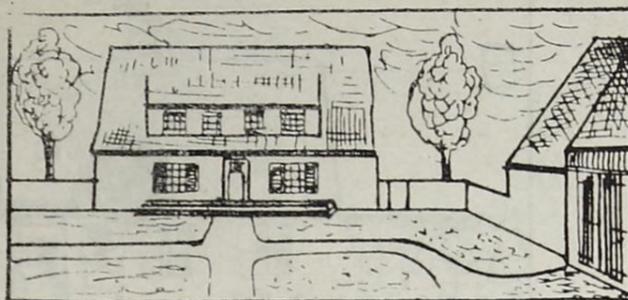

Рис. 3.

вешать для просушки рабочие костюмы. Второе—это выделение при квартире открытой веранды и небольшой кладовой при кухне.

Выбор типа домов играет немалую роль в смысле проведения известных удобств в квартире и зависит от имеющихся дешевых строительных материалов, финансовой стороны и т. д.

Практика выработала три главных типодомов поселкового строительства.

Тип 1 (рис. 2, 3, 4, 5) дом «двойник», т.-е. дом, имеющий в себе две квартиры и стоящий на отдельном участке.

2-й тип (рис. 6) «групповой дом», в котором сосредоточено лишь по одной квартире, но сами по себе дома примыкают друг к другу.

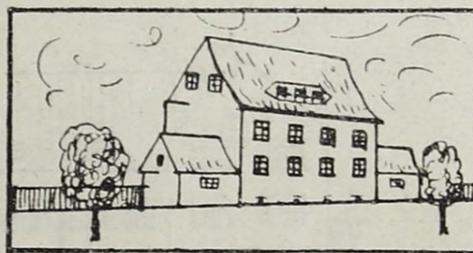

Рис. 4.

3-й тип (рис. 7) «рядовой дом», в котором расположено бывает по несколько квартир при занятии одной квартирой всей ширины здания. Необходимая принадлежность всякого поселка, это общественные здания в виде школ, клубов и т. п., которые по своему архитектурному содержанию должны вполне гармонировать со всем поселком. На рис. 8, как образец простоты, экономии показана школа одного из рабочих поселков, на рис. 9 видна часть улицы рабочего поселка, где принят тип дома-двойника.

Какой же тип домов применим для наших жилищных условий? Если рассматривать тип 2 и 3-й, то тут приходится зачастую отказываться от нормального распределения окон, ибо их расположение возможно только на две стороны. Затем, с точки зрения экономики, они вряд-ли

Рис. 5.

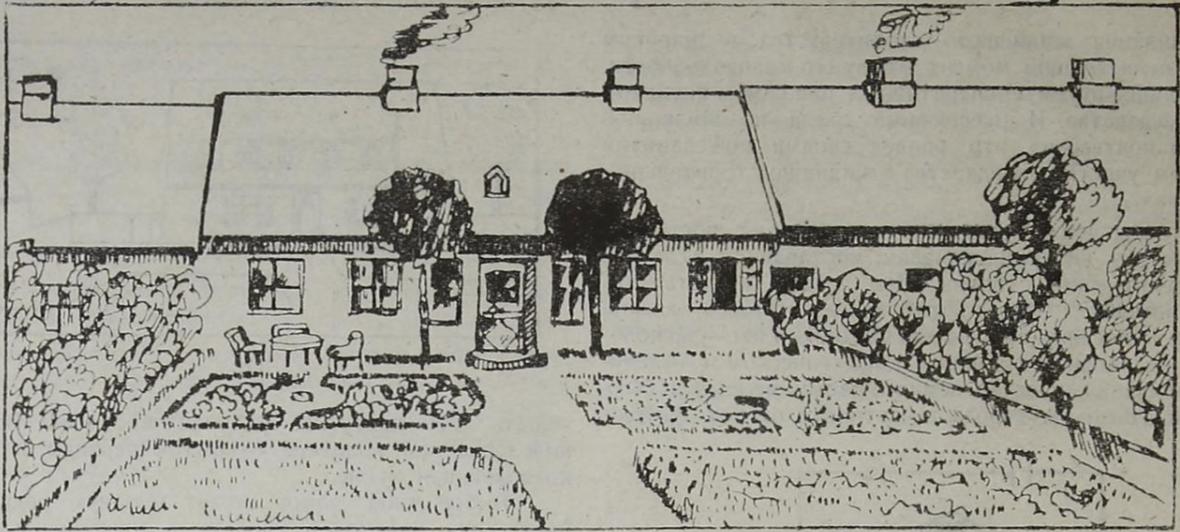

Рис. 6.

будут выгодны, т.-к. отсутствие кирпича и его дороговизна заставляет по крайней мере в настоящее время переходить на деревянное строительство, эти же два типа, представляющие из себя очень большое поле для пожара в смысле их скученности, безусловно неприменимы в наших современных условиях, то-есть в условиях деревянного строительства. Самый рациональный и самый дешевый дом, если он

роны, заготовка рам, колод, дверей и массовая обработка и сборка готовых частей, а при однотипных домах одинаковых размеров это даст большую экономию в денежных средствах, т.-к. сама по себе механическая обработка дешевле ручной, кроме того, однотипность домов даст возможность производительность плотников довести до максимума, что в свою очередь также удешевит постройку.

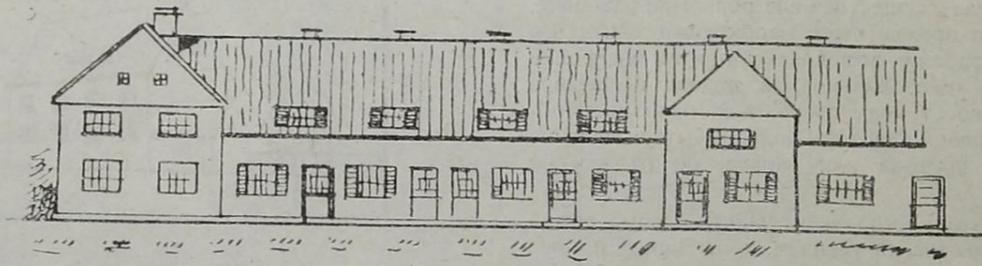

Рис. 7.

деревянный, а не кирпичный, это тип 1 (двойник), как уже упоминалось. Самый дешевый строительный материал в данное время дерево; материал, позволяющий стандартизировать строительство. Стандартизация—эта постройка домов заводским способом или механизация строительного дела, т.-е. при месте постройки устанавливается лесопильный завод, на котором происходит обработка круглого леса, т.-е. обделка на балки, бруски, опилка внутренней сто-

Кроме удешевления постройки здесь возможна более лучшая сортировка материалов и их просушка также заводским способом.

Говорить об накладных расходах по организации завода вряд-ли придется, т.-к. топливом для двигателя служат отбросы обработки. Сам же двигатель и машины найдут себе применение и после окончания построек.

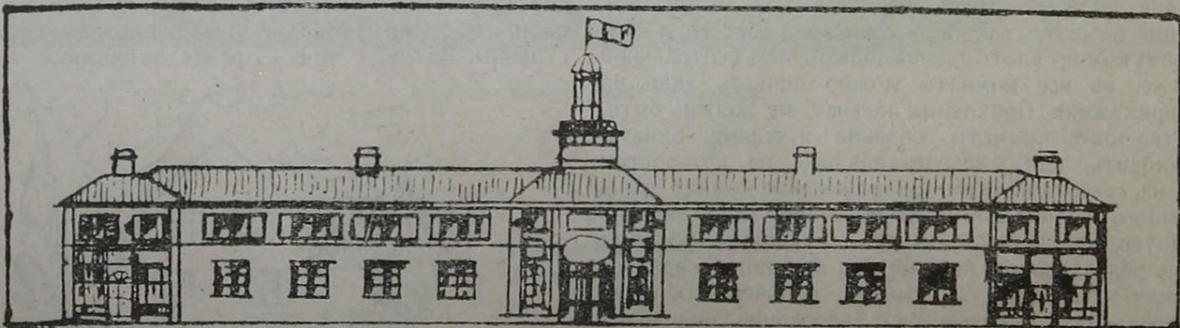

Рис. 8.

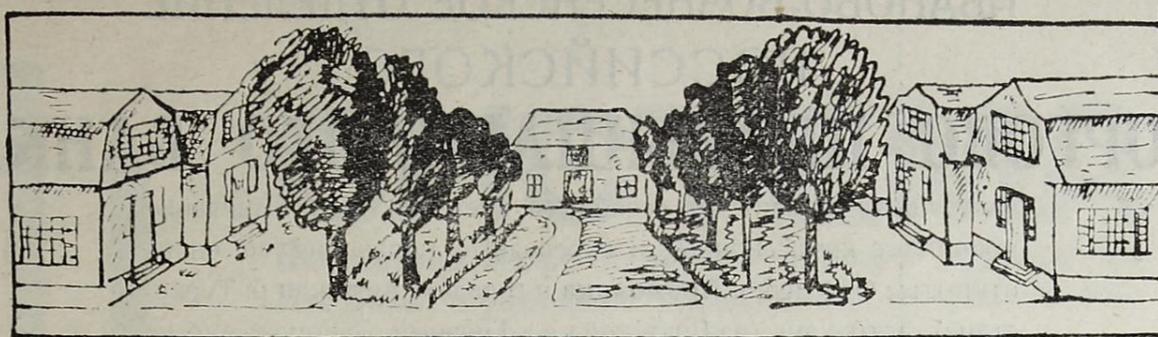

Рис. 9.

Другой тип дешевого не деревянного, а огнестойкого строительства—это глинобитные постройки, где материалом для их возведения служит глина, солома, хворост и копра. Вид такого дома показан на рис. 10, каковой предназначен к постройке, как показательный в гор. Иваново-Вознесенске, при чем большая часть работ будет произведена силами студентов ИВПИ. На рис. 11 показана глинобитная усадьба немецкого крестьянина.

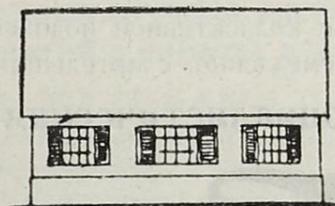

Рис. 10.

Надо надеяться, что в будущем поселковом строительстве за глинобитным делом не последнее место.

А. и К. Шеенковы.

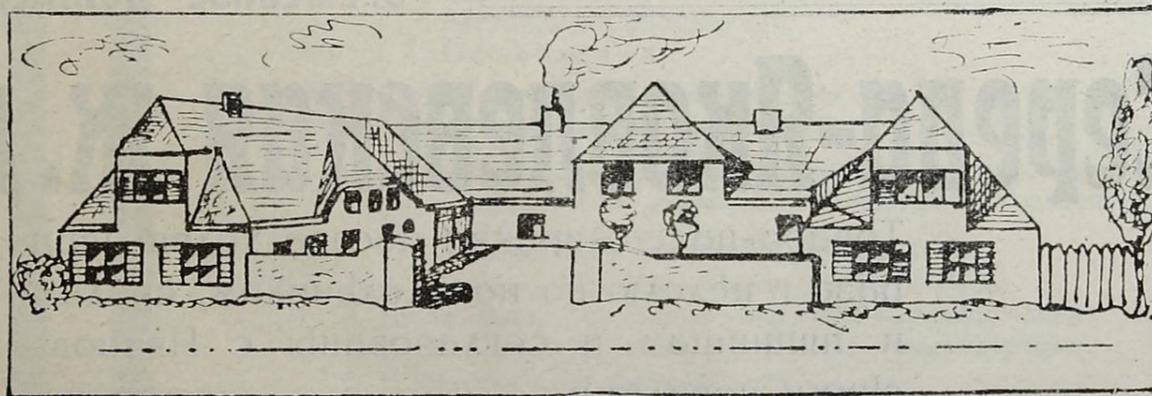
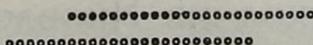

Рис. 11.

Редактор С. ЗОРИН.